

Руань И направился к выходу из актового зала. Лу Бинчэнь собрался было пойти следом, как вдруг зазвонил телефон.

Высветилось имя старшего брата — Лу И.

Бинчэнь сразу понял: тот вернулся из-за границы, узнал, что младший бросил международную старшую школу Шэньчэна ради Шестой средней школы, и теперь звонит учинить разнос.

Он принял вызов.

— Надо же, — усмехнулся Лу И. — А я думал, трубку не возьмёшь.

— С чего бы? — Бинчэнь чуть прищурился. — Брат, что-то случилось?

Лу И уловил в его голосе едва заметную нетерпеливость. Это показалось ему любопытным.

— Выкладывать всё по телефону? — с нарочитой дразнящей интонацией произнёс он. — Не ради этого я летел через полмира. Возвращайся домой, я жду.

Бинчэнь посмотрел на коробочку со сладостями, которую так и не успел отдать, и слегка нахмурился. Пауза затянулась на несколько секунд.

— Торопишься куда-то? — с лёгкой ухмылкой спросил Лу И.

— Вовсе нет, — отозвался Бинчэнь. — Просто размышляю... Брат, ты ведь не явился сюда отцовским заступником? Если приехал уламывать меня вернуться в Шэньчэн, тогда и разговаривать не о чём.

Если и был на свете человек, ненавидевший их отца сильнее Бинчэня, то это его старший брат. Когда умерла мать, Бинчэню исполнилось всего шесть лет, а Лу И уже учился в старших классах и понимал абсолютно всё — оттого и обида застряла в нём куда глубже.

И действительно, голос Лу И мгновенно остыл:

— Совсем из ума выжил?

— Ну и ладно. Скоро буду.

Сбросив звонок, Бинчэнь бросил короткий, колеблющийся взгляд на учебный корпус, куда ушёл Руань И, но всё же развернулся и шагнул прочь.

Тем временем учительница Сун подробно разбирала с Руань И сочинение Ли Кэ, а затем достала свежие контрольные работы и указала на все пробелы в знаниях девочки.

Она говорила без перерыва больше получаса, пока не покашляла от сухости в горле. Ли Кэ тут же поднесла ей стакан воды.

— На сегодня достаточно, — произнесла учительница Сун, отпив немного, и беззлобно щёлкнула девочку по лбу. — Во втором классе средней школы закладывается база, так что хватит витать в облаках. Поняла?

Ли Кэ расплылась в улыбке и закивала.

— Знаю я твои ужимки, — строго, но с затаённой теплотой одарила её взглядом педагог. — Ладно, мне нужно поговорить с твоим братом наедине. Выйди пока.

Ли Кэ послушно выскользнула за дверь и прикрыла её за собой.

На лице учительницы Сун отразилось редкое замешательство.

— В нашей присоединённой средней школе есть один ученик, учится классом старше Ли Кэ. Его зовут Лян Юй. Он... — Она заколебалась. — На днях после уроков я увидела, как Ли Кэ набросилась на него с метлой и огрела так, что черенок переломился пополам. На счастье, уроки давно закончились, да и дело было в бамбуковой рощице за учебным корпусом, так что никто больше этого не видел.

Она со вздохом покачала головой:

— Я все эти дни себе места не находила, боялась, что классный руководитель Лян Юя придёт требовать объяснений. Ты, наверное, не знаешь, но у этого мальчишка очень непростая семья. Раздуй он скандал, виноватой почти наверняка сделали бы Ли Кэ. К счастью, он, похоже, промолчал.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что в кабинете кроме них никого нет, учительница понизила голос:

— Я пыталась расспросить Ли Кэ, из-за чего сыр-бор, но она молчит как убитая. А этот Лян Юй... В школе о нём дурная слава: девчонки вокруг него меняются как калейдоскоп. Я у него не преподаю, но даже до меня доходили сплетни. Ли Кэ девочка симпатичная, общительная. Мальчишки из её класса то записку с признанием подсунут, то стаканчиком чая с шариками угостят... Я об этом её матери не рассказывала — дети совсем ещё глупые, без злого умысла, просто подражают взрослым. Но вот Лян Юй... Расспроси-ка ты сестру сам. Вдруг в школе её...

кто-то обижает?

Учительница подбирала слова с предельной осторожностью, и лицо её сделалось совсем тревожным:

— Всё-таки она девчоночка, мало ли что. Нужно быть начеку.

Едва услышав имя Лян Юя, Руань И без труда восстановил картину произошедшего. Насчёт «обижает» в том смысле, какой вкладывала учительница, можно было не опасаться: каким бы подлецом тот ни был, до откровенной грязи и насилия не опустится.

Однако посвящать посторонних в семейные дразги не стоило, поэтому Руань И лишь кивнул:

— Хорошо, я поговорю с ней.

Ли Кэ слонялась по коридору возле кабинета. Завидев брата, она тут же подбежала к нему:

— Братец, ну что там? Какую такую жалобу учительница Сун не могла озвучить при мне, что ей потребовался с тобой секретный разговор?

Забрав у неё портфель и закинув себе на плечо, Руань И ровно спросил:

— За что ты избила Лян Юя?

Ли Кэ мгновенно сникла и выдавила из себя натянутую улыбку.

— Перестань, — вздохнул он. — Ты же прекрасно понимала, зачем меня позвали. К чему теперь этот спектакль?

— Да не то чтобы спектакль... — пробурчала она, уткнувшись взглядом в пол. — Ну считай, что я виновата, просто признаваться не хочу. Попробовал бы ты послушать, какую дрянь он несёт...

— И что же он сказал?

Девочка поджала губы и упорно смолкла.

Руань И опять тихо вздохнул.

Лян Юй приходился ему сводным братом по отцу, Лян Сюю, и был моложе всего на год.

Все эти годы новоявленный родственничек неустанно потешал своё эго одним и тем же занятием — распускал сплетни. Куда бы ни приходил Руань И, вслед за ним непременно прилетали грязные слухи: будто его мать была любовницей и разлучницей, а сам он — незаконнорождённый ублюдок от чужого мужика, так что даже собственного отца в глаза не видел...

— Опять взялся за старое? — спокойно произнёс Руань И. — Лян Юй обливает меня грязью с самого детства. Я уже настолько привык, что мне за него даже скучно. Ли Кэ, тебе пятнадцать лет. Неужели какая-то пара глупых фраз способна вывести тебя из себя?

Договорив, он сам на мгновение замер, поражённый неожиданной вспышкой воспоминаний.

Эти слова в прошлой жизни ему сказал Лу Бинчэнь.

Тогда Бинчэнь привёл его в семейную усадьбу рода Лу. В кабинетной библиотеке целая стена была уставлена вручную переписанными фолиантами. На корешках изящным каллиграфическим почерком красовались иероглифы: «Лу», «Семь», «Восемь»... и так до «Четырнадцати». Томов с номерами «Семь» и «Восемь» стояло больше всего — штук тридцать, не меньше, а дальше их количество постепенно сходило на нет.

Заметив интерес Руань И, Бинчэнь снял с полки одну из книг и развернул перед ним:

— Всё это выведено моей рукой.

Иероглифы, выведенные тушью, отличались твёрдым, упрямым росчерком: пусть в них ещё проглядывала детская неумелость, но уже чувствовался резкий, бескомпромиссный характер.

— Зачем ты переписал такую гору книг? — удивился тогда Руань И.

— Провинился, вот и наказали, — Лу Бинчэнь лениво обнял его со спины, уткнувшись подбородком в плечо. — Отец после смерти мамы сразу приволок в дом новую бабу. Маму-то они вдвоём и свели в могилу... Я, понятное дело, смириться не мог, устраивал настоящий ад. Вот дед и запер меня в этой каморке, заставив переписывать классику. Ещё и выговаривал, мол, сколько тебе лет, а всё так же не умеешь держать себя в руках, одно сплошное разочарование...

Бинчэнь крепче сжал руки на его талии и глухо добавил:

— А мне тогда было всего семь.

Руань И прикрыл глаза, стряхивая наваждение прошлого.

— Наговоры Лян Юя — история давняя, — обратился он к сестре. — Почему ты вышла из себя именно сейчас? Была какая-то иная причина?

Ли Кэ уткнулась взглядом в землю, решив хранить молчание до конца.

Но если она молчала, Руань И мог догадаться сам.

— Слухи обо мне он распускает не первый год. Из-за обычных сплетен ты бы не стала бросаться на него с метлой, — рассудил он. — Значит, на этот раз его болтовня могла создать мне реальные неприятности.

Он пристально посмотрел на неё:

— Когда он это говорил, рядом стоял кто-то из моих новых одноклассников по Шестой средней школе?

Девочка опустила голову и спустя пару секунд едва заметно кивнула.

— Как же меня от него тошнит... — тихо прошептала она. — Ну почему он не отвяжется? Ты давно ушёл из той семьи, неужели он совсем сошёл с ума? Его собственная мать была дешёвой любовницей! Когда тётя Руань вела всё домашнее хозяйство, эта тварь уже крутила роман с моим дядей. Иначе с чего бы Лян Юй был младше тебя всего на год?! Если кто тут и сука, так это его мамаша! С какой стати он продолжает отравлять тебе жизнь?!

«Чем уязвимее и ничтожнее человек ощущает себя внутри, — подумал Руань И, — тем сильнее его потребность поливать грязью других, чтобы хоть как-то подпитать своё извращённое эго».

Ли Кэ распалялась всё сильнее:

— В тот день один из парней в их компании произнёс твоё имя и упомянул, что учится с тобой в одном классе!

Вспомнив, с каким гнусным выражением лица тот мерзавец заявил, мол, Руань И с виду такой тихий да правильный, а за спиной у него, оказывается, такие страсти... Ли Кэ снова сжала кулаки до хруста:

— Я хотела и ему задать трёпку! Побежала за метлой, а когда вернулась, вся орава уже рассосалась, остался один Лян Юй. Вот ему и досталось за всех.

Руань И опять тихо вздохнул.

— Они ведь нагло врут, да ещё с таким видом, будто сами всё видели! — голос девочки сорвался на тревожную ноту. — Ты ведь только перешёл в Шестую среднюю школу. Вдруг они опять станут шептаться у тебя за спиной, а заступиться будет некому? Вдруг всё повторится... как тогда?

В детстве соседские ребята начали избегать Руань И именно из-за того, что Лян Юй неустанно подливал масла в огонь. Однажды Вторая тётя пришла проводить племянника и застала дрянного мальчишку за смакованием подробностей: он вдохновенно объяснял детворе, что Руань И — «ублюдок без отца». В тот день тётя пришла в такую ярость, что влепила по сочной пощёчине и Лян Сюю, и его новой женушке, заставила отца подмахнуть бумагу об алиментах в тысячу юаней и тут же забрала Руань И к себе.

— Тётушке не следовало рассказывать тебе об этом, — качнул головой Руань И. — Сколько лет прошло, а ты всё не забудешь.

— Я это до конца дней помнить буду! — отрезала Ли Кэ.

Они вышли во двор школы. Руань И окинул взглядом аллею — Лу Бинчэнь нигде не было видно. Достав телефон, он обнаружил сообщение в Вэйсине:

[Брат вызвал домой, пришлось уехать. Сладости оставил на посту охраны, не забудь забрать.]

— Братец, а где твой приятель? — Ли Кэ покрутила головой.

— У него появились дела, он ушёл.

— Понятно, — закивала она и смущённо улыбнулась: — А он красивый... Правда, выглядит немного... даже не знаю, как сказать. Не то чтобы неприступный, но стоит встретиться с ним взглядом, как внутри всё сжимается. Я пару раз случайно посмотрела ему в глаза и тут же отвернулась — такой от него исходит тяжёлый, давящий авторитет, словно он тебя насквозь видит. Потом подумала: наверное, с моей стороны это было ужасно невоспитанно?

Руань И чуть улыбнулся:

— Ничего страшного. Ему не привыкать.

В прежней жизни Лу Бинчэнь вращался среди акул бизнеса и крупных инвесторов; от него веяло такой леденящей, властной силой, что у окружающих перехватывало дыхание. Не то что конкуренты — даже собственные подчинённые опасались поднимать на него глаза.

Но едва произнеся эти слова, Руань И осознал: к подобному привык тот, взрослый Лу Бинчэнь.

А вот успел ли привыкнуть к этому нынешний, шестнадцатилетний юноша — большой вопрос.

Ли Кэ потянула за лямку его портфеля:

— Братец, переночуешь сегодня у нас? Завтра как раз мама возвращается, погуляем все вместе. Заодно расскажешь мне про свою Шестую среднюю школу, а то мне ужасно любопытно!

— Почему бы и нет, — улыбнулся Руань И. — Учительница Сун наговорила мне сегодня столько всего, сразу и перескажу тётушке, пока ничего не вылетело из головы.

Ли Кэ состряпала скорбную мину:

— Бра-а-ат!

Шутя и переговариваясь, они направились к дому.

Впереди, на самом краю уходящей вдаль улицы, догорали багровые полосы заката. Заходящее солнце разливало по небу густые алые краски, похожие на клубы раскалённого пара над кипящей водой, и этот пылающий свет заставил Руань И зажмуриться.

Выходя за ворота школы, он сразу заметил упакованный короб со сладостями, оставленный на столике дежурного. Но прошёл мимо, даже не притронувшись.

В ту секунду им овладело странное, сумбурное чувство — смесь нетерпения, растерянности и смутного осознания собственной глупости. А глубже, под самой грудиной, отзывалась неясная глухая боль, будто крошечный молоточек монотонно и неустанно постукивал в самое сердце. И этот стук не утихал до сих пор.

Руань И остановился.

Сделал глубокий, судорожный вдох — и тихо, беззвучно выдохнул.

<http://bllate.org/book/20540/2130771>